

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН ЛИТОВСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН БЕЛОРУССКОЙ ССР

Древности Литвы и Белоруссии

Вильнюс „Мокслас” 1988

без места находки (ШМА, инв. № 1225/237) сделано из цельно-стального прута с небольшим количеством шлака. Содержание углерода в стали колеблется в пределах 0,6—0,0%. В основе пера углерода содержалось 0,6%. Ближе к поверхности пера количество углерода сокращается. Изгорание угля с поверхности изделия происходило во время кремации умершего. Перья наконечников из Няравай, кургана № 20, погребения № 2, Квикляй и Вильнюса, с горы Гедиминаса сварены из двух полос — железной и стальной. В связи с тем, что и эти наконечники побывали в погребальных кострах, стальные полосы также не содержат углерода, мало в металле и шлака. Основа пера наконечника из Няравай, кургана № 28, погребения № 4 стальная, с приваренной с одной стороны стальной, с другой — железной полосами. В стальных полосах также отсутствует углерод, больше его сохранилось в основе пера.

Следует отметить, что в среднем железном веке наконечники копий, изготовленные из двух полос (стальной и железной) найдены и в других могильниках Литвы: в Пожере Шилальского района, Мауджэрай Кельмеского района, Эйгуляй Каунасского района¹¹. Подобные наконечники, перья которых сварены из двух полос, обнаружены и в Латвии¹². А цельножелезных наконечников копий в Литве сравнительно много. По технологии изготовления исследованные наконечники не отличаются от других наконечников копий того же времени на территории Литвы, но количество шлака в них гораздо меньше.

В настоящее время из-за отсутствия достаточного количества данных более точно определить место изготовления этих наконечников не представляется возможным: они могут быть как местного производства, так и ввезенные из других мест.

¹¹Станкус Й. История технологии производства железных изделий на территории Литвы во II—XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс. 1971. С. 15—16.

¹²Антейн А. К. Железные и стальные изделия Латвии (до XIII в.) // Из истории техники. Рига. 1959. Т. 1. С. 15.

К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИТОВСКОЙ ЗЕМЛИ
В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

А. Лухтан, В. Ушинкас

В исторической литературе большое внимание уделяется проблемам становления Литовского феодального государства¹. Глубокий и всесторонний анализ исторических источников, проведенный рядом авторов², позволяет представить рассматриваемую проблему следующим образом.

1. Уже в первых источниках термин „Литва” воспринимается не только как определение этноса, но и как конкретная территория: в узком смысле — „Литовская земля”, а возможно, и как совокупность всех литовских земель³.

2. Утверждается, что в начале XIII в. во главе конфедерации литовских земель стоял синьорат старших князей и лишь захват власти Миндовгом ознаменовал завершение процесса преобразования конфедерации в государство⁴. Наряду с этим в литовской советской историографии существует мнение, что политическое объединение литовских земель в единое государство происходило несколько раньше — в конце XII — начале XIII в.⁵

3. Общепризнано, что ядром становления государства была Литовская земля (в узком смысле), при этом спорным и до сих пор неразрешенным вопросом остается локализация данной территории⁶.

¹Łowmiański H. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. Wilno, 1931. Т. 1. 1932. Т. 2: Idem. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1983; Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959 и др.

²Varakauskas R. Lietuvos valstybės susidarymo klausimu // Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija. 1969. Т. 10. P. 169—180; Гудавичюс Э. С. Литва Миндовга // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов: Тезисы докладов, март 1981. Вильнюс. 1981. С. 131—132; Gudavičius E. Dėl Lietuvos valstybės kūrimosi centro ir laiko // MADA. 1983. Т. 2. P. 61—70; Idem. „Lietuvos” vardas XI a.—XII a. I pusės šaltiniuose // MADA. 1983. Т. 3. P. 79—88; Idem. 1219 metų sutarės dalyviai ir jų vaidmuo suvienijant Lietuvą // Istorija. 1982. Т. 22. P. 33—46; Idem. Dėl lietuvių žemių konfederacijos susidarymo laiko // Istorija. 1984. Т. 24. P. 12—28; Idem. Bandytas lokalizuoti XIII a. lietuvių kunigaikščių valdas // MADA. 1984. Т. 3. P. 69—79.

³Gudavičius E. Dėl Lietuvos valstybės... P. 61; Idem. „Lietuvos” vardas... P. 84.

⁴Gudavičius E. Dėl Lietuvos valstybės... P. 66—67; Idem. 1219 metų sutarės dalyviai... P. 33—46.

⁵Varakauskas R. Lietuvos valstybės susidarymo klausimu. P. 177—179.

⁶Gudavičius E. Dėl Lietuvos valstybės... P. 61, 66—67.

Скудность письменных источников, освещающих ранние этапы истории Литвы, затрудняет решение указанных проблем. При этом богатый археологический материал, накопленный в результате многолетних исследований, к сожалению, используется в основном лишь при освещении отдельных аспектов раннего феодализма в Литве⁷.

Предлагаемая статья ни в коей мере не претендует на полное и всестороннее разрешение сложнейших исторических проблем. Это лишь попытка на базе археологических источников проследить процесс и основные этапы становления Литовской земли. Хронологические рамки работы — середина I тысячелетия — XII/XIII вв. н. э. Именно в середине I тысячелетия н. э. во всей Юго-Восточной Прибалтике происходит ускоренное разложение первобытнообщинного строя и зарождение классовых (феодальных) отношений⁸. Возможно, этот процесс начался значительно раньше, однако по археологическим материалам он прослеживается более четко в рассматриваемое время. Мы не ставили целью проанализировать процесс становления феодализма на всей территории Литвы и ограничились лишь той частью Восточной Литвы, которая в процессе исторического развития стала центром консолидации всех литовских земель. Это и определило территориальные рамки настоящей работы.

Археологические источники, позволяющие в том или ином аспекте рассматривать интересующий нас круг вопросов, довольно разнообразны. Прежде всего это погребальные памятники — курганные могильники Восточной Литвы, характеризующие этнокультурные и социологические аспекты жизни древнего общества. Изучение городищ — феодальных центров и древних монетных кладов также служит неоценимым источником по социально-экономической истории.

В данной статье обращено особое внимание на достоверность привлекаемых источников, в этой связи используются лишь исследованные и достаточно хорошо документированные археологические памятники. Этим объясняется и отказ

⁷ Моора Х. А., Лиги Х. М. К истории сельского хозяйства в Прибалтике в период образования феодальных отношений (XI—XIII вв.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г. Вильнюс. 1964. С. 77—89; Volkaitė-Kulikauskienė R. Lietuviai IX—XII amžiais. V., 1970; Idem. Nauji duomenys apie žemdirbystę ir gyvulininkystę Rytų Lietuvoje XIII—XV amžiais. MADA. 1974. T. 3; Lietuvių materialinė kultūra IX—XIII amžiuje. V., 1978. T. 1, 1981. T. 2.

⁸ Моора Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин. 1956. С. 123; Latvijas PSR archeologija. Rīga, 1974. Lpp. 133; Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A. Lietuvos archeologijos bruožai. V., 1961. P. 358.

от некоторых материалов из любительских раскопок XIX—начала XX в. С другой стороны, для полноты картины картографировались памятники, находящиеся не только на современной территории Восточной Литвы⁹, но и на прилегающей территории Белоруссии¹⁰.

Нельзя не отметить, что к археологическим материалам иногда обращаются и историки, однако специфика археологических источников затрудняет их привлечение в качестве исторического источника¹¹. Наглядным примером может служить приводимая Э. Гудавичюсом археологическая аргументация для подтверждения гипотезы Г. Ловмянского о юго-восточном (к югу от р. Нерис) центре консолидации Литвы. Подобренные автором данные из археологического атласа Литвы¹² представляют собой подборку разновременных памятников, зачастую не исследованных, не связанных с рассматриваемой территорией, а в ряде случаев принадлежавших различным племенным группам и, таким образом, не способных служить основой для определения территории Литовской земли¹³.

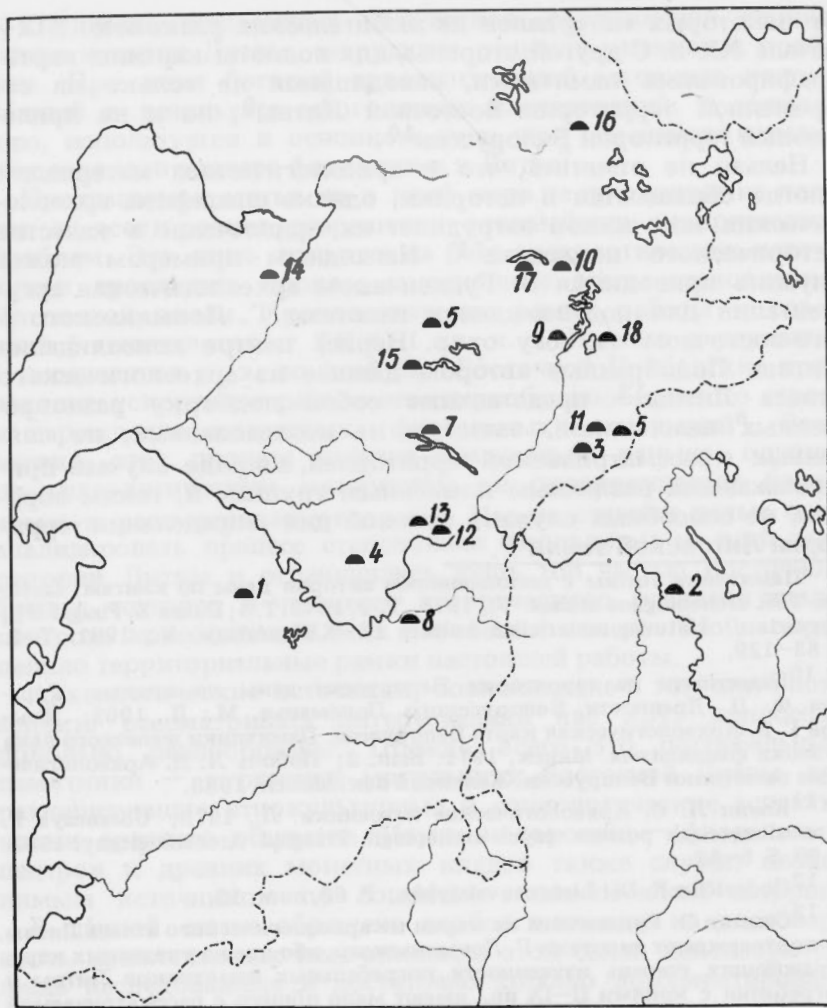
⁹ Памятники Литвы с дополнениями авторов даны по книгам: Lietuvos TSR archeologijos atlasas. V., 1975. T. 2, 1977. T. 3; Dukša Z. Pinigai ir jų apyvarta // Lietuvių materialinė kultūra IX—XIII amžiuje. V., 1981. T. 2. P. 83—129.

¹⁰ Памятники на территории Белоруссии даны по книгам: Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. М.; Л., 1962; Штыхов Г. В. Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма. Минск, 1971. Вып. 2; Поболь Л. Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск, 1983.

¹¹ Клейн Л. С. Археологические источники. Л., 1978; Ubranczyk P. O możliwościach poznawczych archeologii. Przegląd Archeologiczny. 1981. T. 29. S. 5—52.

¹² Gudavičius E. Dėl Lietuvos valstybės... P. 62, nuor. 12.

¹³ Ссылки Э. Гудавичюса на карты из археологического атласа Литвы не подтверждают гипотезы Г. Ловмянского, ибо две из указанных карт, отражающих степень изученности погребальных памятников Литвы и погребения с конями II—IX вв., имеют мало общего с рассматриваемой темой, а третья — погребения с конями X—XIII вв., позволяет сделать противоположные выводы. Подтверждением гипотезы Г. Ловмянского не служит и ссылка на труд Р. Волкайте-Куликаускаене, так как последняя относит к Литве такие центры, как Вильнюс, Тракай, Кернаве, Неменчине, Майшягалу (Volkaitė-Kulikauskienė R. Lietuvos valstybės sudarymo išvakarėse // Lietuvių materialinė kultūra IX—XIII amžiuje. V., 1978. T. 1. P. 6). Гипотеза Г. Ловмянского, согласно которой территория Литовской земли помещалась к югу от Нерис (Łowmiański H. Studia nad początkami... T. 2. S. 106—112. Mapa 2), возникла в 30-е годы, когда многие археологические памятники, характеризующие Литву, были мало известны и почти не исследованы. Данная гипотеза была основана на анализе нескольких косвенных и фрагментарных сообщений. Примечательно, что сам Г. Ловмянский не считал нужным включить главу о локализации литовских земель в новое издание своего труда. Как отмечено в предисловии к этому изданию, автор считал целесообразной повторную публикацию лишь достаточно обоснованных концепций (Łowmiański H. Studia nad dziejami... S. 6).

■ 1 □ 2

Рис. 1. Курганные могильники с труположениями середины I тысячелетия н. э.: 1. Алинка (Тракайский р-н); 2. Андреевцы (Сморгонский р-н); 3. Антасаре (Швенчёнский р-н); 4. Аукштейи Русокай (Вильнюсский р-н); 5. Борава (Швенчёнский р-н); 6. Гудяляй (Молетский р-н); 7. Дягсне (Молетский р-н); 8. Жвирбляй (г. Вильнюс); 9. Жеймянис (Игналинский р-н); 10. Жальмянишке (Утенский р-н); 11. Межёнис (Швенченский р-н); 12. Пакраугле (Вильнюсский р-н); 13. Парайсяй (Вильнюсский р-н); 14. Рикликай (Анкшяйский р-н); 15. Рудеса (Молетский р-н); 16. Скинейкай (Зарасайский р-н); 17. Таурапилис (Утенский р-н); 18. Цегельне (Игналинский р-н)

*Ученые
парал. Антасаре
Зуберс 133*

У истоков Литовской земли. При изучении культуры штрихованной керамики исследователи выделяют центральную, хронологически наиболее позднюю группу этой культуры, датируемую первой половиной I тысячелетия н. э. Ее основным ареалом является бассейн р. Нерис (Вилии)¹⁴. Несмотря на отсутствие единого мнения о преемственности культуры штрихованной керамики и более поздних культур¹⁵, следует обратить внимание на явное наличие внутренних связей и экономического потенциала в указанном ареале.

В большей степени данный регион характеризуют памятники культуры восточнолитовских курганов. Наиболее ранние погребальные памятники на исследуемой территории появляются в конце IV—V в. н. э. (рис. 1), что свидетельствует об определенных социально-экономических переменах. В это время умерших начали хоронить в курганах диаметром 7—8 м и высотой 0,5—1,2 м; песчаная насыпь курганов окружена у основания венцом из крупняк камней. В грунтовой яме под насыпью кургана встречаются одно, а нередко несколько ориентированных на запад погребений по обряду труположения. В общей яме отдельных, наиболее богатых погребений рядом с останками человека находится скелет коня. Погребальный инвентарь чаще всего представлен украшениями, деталями одежды и оружием, значительно реже — орудиями труда и фрагментами керамики.

При наличии общих черт с более ранними курганами Жемайтии, Северной Литвы и Южной Латвии (каменные венцы, погребения по обряду труположения) курганы Восточной Литвы имеют и ряд существенных отличий как в самом погребальном обряде (могильные ямы под насыпью кургана), так и по количеству погребений в одном кургане. Важно, что курганы Восточной Литвы в отличие от коллективных погребений в курганах соседних территорий являются индивидуальными усыпальницами. Богатством инвентаря резко выделяются так называемые „княжеские” погребения (Таурапилис¹⁶). Изложенное выше позволяет предполагать, что в середине I тысячелетия н. э. в Восточной Литве начина-

¹⁴ Волкайте-Куликаускаене Р. К. Образование литовской народности (по данным археологии) // Советская этнография, 1979. № 3. С. 36. Рис. 1, 2.

¹⁵ Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. С. 135; Мачинский Д. А. Миграция славян в I тысячелетии н. э. // Формирование раннефеодалных славянских народностей. М., 1981. С. 34; Поболь Л. Д. Археологические памятники Белоруссии. С. 17—18.

¹⁶ Tautavičius A. Taurapilio „kunigaikščio” kapas. Lietuvos archeologija. V., 1981. T. 2. P. 18—43.

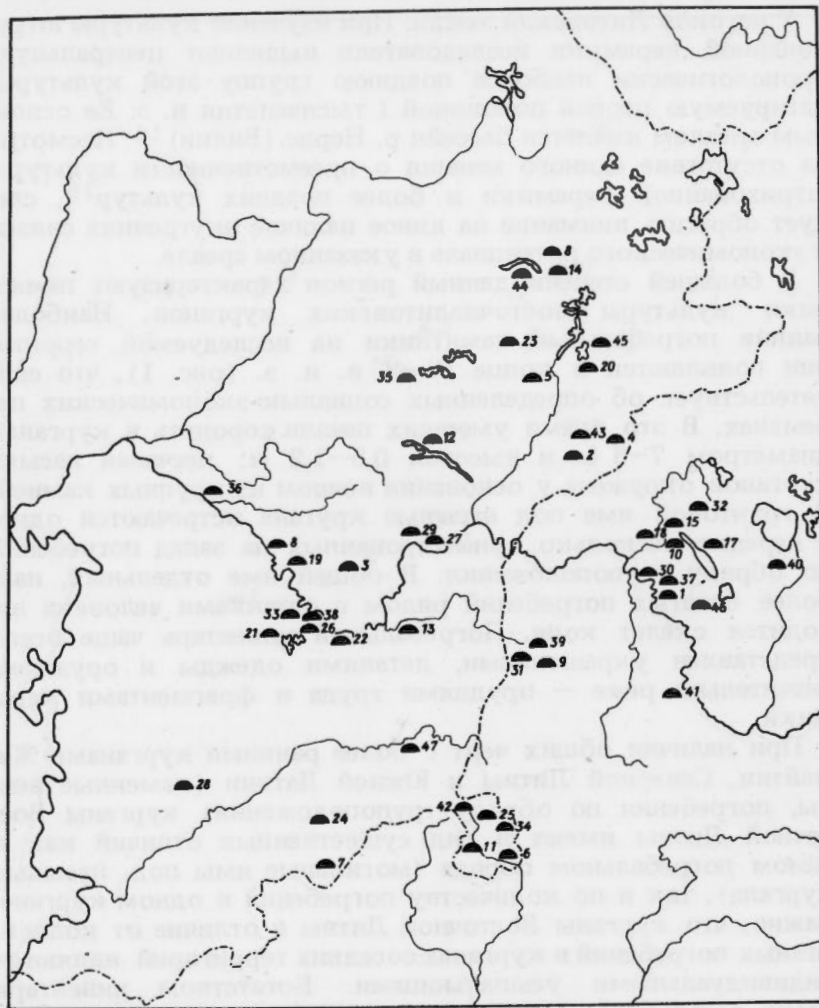

Рис. 2. Курганные могильники с трупосожжениями середины — второй половины I тысячелетия н. э.: 1. Андреевцы (Сморгонский р-н); 2. Антасаре (Швенчёнский р-н); 3. Аукштейн Русокай (Вильнюсский р-н); 4. Борава (Швенчёнский р-н); 5. Вейкунай (Швенчёнский р-н); 6. Ви-жяй (Утенский р-н); 7. Вилконис (Шальчининкский р-н); 8. Грабиолай (Вильнюсский р-н); 9. Гудогай (Островецкий р-н); 10. Гузки (Мядельский р-н); 11. Девенишкес (Шальчининкский р-н); 12. Дясне (Молетский р-н); 13. Жвирбляй (г. Вильнюс); 14. Жельмянишке (Утенский р-н); 15. Желядь (Мядельский р-н); 16. Забелишкес (Шальчининкский р-н); 17. Засвирь (Мядельский р-н); 18. Зезюлька (Островецкий р-н); 19. Кармазнай (Вильнюсский р-н); 20. Кретуонис (Швенчёнский р-н); 21. Курганай (Тракайский р-н); 22. Неравай (Тракайский

ется процесс выделения племенной знати¹⁷. Картографирование курганов с труположениями отмечает их концентрацию в северной части бассейна р. Нерис (рис. 1). Данные памятники следует отнести к тому времени, когда постепенно исчезает культура штрихованной керамики и формируется культура восточнолитовских курганов. Конец переходного периода знаменуется появлением и распространением обряда кремации. Погребения по обряду трупосожжения появляются на этой территории в V в. н. э., чаще всего они встречаются в тех же курганных группах, что и труположения (рис. 2). Отметим и случаи постепенного зарождения обряда кремации, когда первые трупосожжения помещались еще в могильной яме под насыпью кургана, а не в насыпи, как в более поздних курганах. Такие погребения известны в курганном могильнике Ви-жяй (Утенский р-н)¹⁸. Изучение погребальных памятников Восточной Литвы позволило исследователям сделать вывод, что первоначальный очаг обряда трупосожжения находился в бассейне р. Нерис, откуда он постепенно распространялся во всех направлениях¹⁹. Не исключена возможность наличия здесь племенного культового центра. Примечательно, что отдельные трупосожжения V в. (Пакраугле) находятся недалеко от Вильнюса. Не является ли отголоском тех времен легендарный цикл Свинторога?

Изменение в погребальном обряде иллюстрирует лишь одну сторону сложного процесса социально-экономического развития Восточной Литвы в середине I тысячелетия н. э.

¹⁷ Анализ обнаруженных в Восточной Литве боевых топоров второй половины I тысячелетия н. э. позволил В. Казакивичусу определить их в качестве атрибута военных вождей (Казакивичус В. Боевые топоры на территории Литвы и Белоруссии в I тысячелетии н. э. // Древности Белоруссии и Литвы. Минск, 1982. С. 79).

¹⁸ Tautavičienė V. Vyžių pilkapiai // ATL 1982 ir 1983 metais. V., 1984. P. 67.

¹⁹ Волкайте-Куликаускаене Р. К. Образование... С. 38. Рис. 3.

р-н); 23. Паальдикис (Швенчёнский р-н); 24. Пабаре (Шальчининкский р-н); 25. Пагинай (Шальчининкский р-н); 26. Падваришкес (Тракайский р-н); 27. Пакраугле (Вильнюсский р-н); 28. Памусяй (Варенский р-н); 29. Парайсчяй (Вильнюсский р-н); 30. Пильвины (Сморгонский р-н); 31. Полянки (Ошмянский р-н); 32. Понизье (Мядельский р-н); 33. Попай (Тракайский р-н); 34. Пошконис (Шальчининкский р-н); 35. Рудеса (Молетский р-н); 36. Русю Рагас (Ширвинтский р-н); 37. Римшанцы (Сморгонский р-н); 38. Саусяй (Тракайский р-н); 39. Сержанты (Островецкий р-н); 40. Сидоришки (Островецкий р-н); 41. Сморгонь; 42. Стакай (Шальчининкский р-н); 43. Судота (Швенченский р-н); 44. Таурапилис (Утенский р-н); 45. Цегельне (Игналинский р-н); 46. Черная Лужа (Мядельский р-н); 47. Яшюнай (Шальчининкский р-н)

В это время полностью исчезает штрихованная керамика и появляется качественно новая — керамика с шероховатой поверхностью. На всей рассматриваемой территории меняется структура поселений: на смену укрепленным общинным городищам I тысячелетия до н. э. — первых веков н. э. приходят городища-убежища, широко распространяются поселения открытого типа, что является одним из ведущих признаков территориальной общины.

Таким образом, археологические источники свидетельствуют о том, что в Восточной Литве, преимущественно в бассейне р. Нерис, на территории распространения восточно-литовских курганов с конца IV—V вв. н. э. формируется некая территориальная общность (археологическая культура), характеризующаяся единством погребального обряда, типа поселений, а также наличием территориальной общины. Ограниченный объем статьи не позволяет провести более глубокий анализ археологических материалов, характеризующих данную культуру. Следует отметить, что Р. Волкайте-Куликаускаене именно в этой территории видит ядро формирования литовской народности²⁰.

„Литовская земля” на рубеже I—II тысячелетий н. э. Следующий этап в социально-экономическом развитии Восточной Литвы прослеживается по археологическим материалам IX—XII вв. (рис. 3). На значительные перемены указывают материалы городищ этого времени. Появляется более развитая система укреплений с глубокими рвами, земляными валами с каменной забутовкой у основания и сложными деревянными оборонительными сооружениями. Площадки городищ разной величины: от 1100 кв. м в Мажулонисе (Игналинский р-н), 2000 кв. м в Неменчине (Вильнюсский р-н) до 20 000 кв. м в Бражуоле (Тракайский р-н). В это время возродились некоторые ранее заброшенные городища: в X—XI вв. — Мажулонис, не ранее X в. — Неменчине, а на городищах, которые непрерывно использовались в течение длительного времени (Аукштадварис и Бражуоле Тракайского р-на, Браделишкес Вильнюсского р-на) на рубеже I—II тысячелетий н. э. происходят коренные реконструкции в области фортификации²¹. Городища этого типа носят следы неоднократных разрушений, иногда соотносимые с

²⁰ Там же. С. 37—40.

²¹ Daugudis V. Mažulionių piliakalnis // ILKI. V., 1961. T. 3. P. 16—40; Kulikauskas P. Nemenčinės piliakalnis // ILKI. V., 1958. T. 1. P. 20—43; Daugudis V. Aukštadvario piliakalnio įtvirtinimai ir pastatai // MADA. 1962. T. 1. P. 56; Idem. Brodeliškių piliakalnio tyrinėjimai 1970 m. // AETL 1970 ir 1971 m. V., 1972. P. 19—21; Idem. Bražuolės (Trakų raj.) piliakalnio tyrinėjimai 1972 m. // AETL 1972 ir 1973 m. V., 1974. P. 22.

конкретными историческими событиями. Так, по мнению Е. Охманьского, замок Мажулонис был пограничной крепостью, противостоящей русским замкам в Браславе и, возможно, в Дрисвятах, и был разрушен во время упоминаемой в „Слове о полку Игореве” борьбы Полоцка с Литвой около 1180 г., или же во время похода полочан зимой 1201—1202 гг.²²

Р. Волкайте-Куликаускаене, анализируя городища в качестве источника по истории социально-экономических отношений, выделяет во второй половине IX—XI в. городища-замки — резиденции крупных землевладельцев, административные и политические центры отдельных территорий — и связывает их возникновение с началом процесса феодализации²³.

Среди феодальных центров X—XI вв. большой интерес представляет Вильнюс. Археологическое изучение древнейшей части Вильнюса — городищ и поселений у слияния рек Нерис и Вильня — ведется уже давно. В довоенные годы ограниченные раскопки проводились А. Кетлинской²⁴, В. и Е. Голубовичами²⁵ на Замковой горе и на территории современного Нагорного парка (Кривого замка). К сожалению, материалы раскопок в военные и послевоенные годы были разрознены и депортированы, документация погибла²⁶. В последние десятилетия исследования и охранные раскопки на этой территории проводились Институтом консервации памятников Министерства культуры Литовской ССР. В настоящее время на территории вильнюсских замков открыты разновременные слои, датируемые периодом от I тысячелетия до н. э. до XVIII в.²⁷ Под вопросом остается существование на Замковой горе слоев IX—X вв. Существует мнение, что поселение

²² Ochmański J. Litewska granica na wschodzie od epoki plemiennej do XVI wieku. Poznań, 1981. S. 19.

²³ Волкайте-Куликаускаене Р. К. Древние поселения-городища как источник для изучения развития общественных отношений в Литве // Материалы межреспубликанской научной конференции по источниковедению и историографии народов прибалтийских республик Союза ССР. Историография. Вильнюс, 1978. С. 17.

²⁴ Tautavičius A. Vilniaus pilies teritorijos archeologiniai kasinėjimai // Valstybinės LTSR architektūros paminklų apsaugos inspekcijos metraštis. V., 1960. T. II. P. 4—5.

²⁵ Holubovičiai E. ir V. Gedimino kalno Vilniuje 1940 m. kasinėjimų pranešimas // Lietuvos praeitis. K., 1941. T. 1, sąs. 2. P. 649—691; Голубовичи Е. и В. Кривой город Вильно // КСИМК. М.; Л., 1945. Вып. 11. С. 114—126.

²⁶ Tautavičius A. Vilniaus pilies... P. 4—5.

²⁷ Ibid. P. 4—44; Lisanka A. Vilniaus Gedimino pilies kalno tyrinėjimai 1982 m. // ATL 1982 ir 1983 m. V., 1984. P. 25—26.

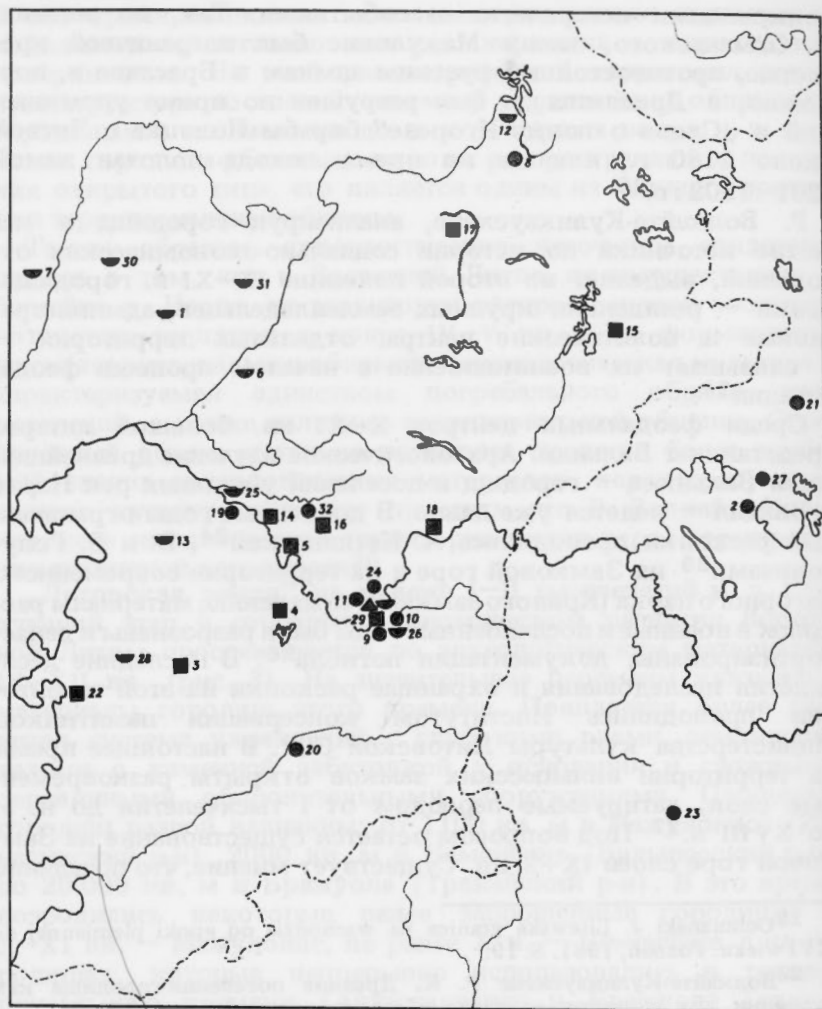

Рис. 3. Восточная Литва в конце I—начале II тысячелетия н. э.: 1 — куфические монеты; 2 — палочкообразные литонские слитки; 3 — западноевропейские монеты; 4 — городища. Памятники: 1. Анелява (Тульпякемис (Укмергский р-н); 2. Антонизберг (Мядельский р-н); 3. Аукштадварис (Тракайский р-н); 4. Бражуоле (Тракайский р-н); 5. Броделишкес (Вильнюсский р-н); 6. Вайткушкес (Укмергский р-н); 7. Валинава (Кедайнский р-н); 8. Велейкяй (Зарасайский р-н); 9. Вильнюс; 10. Вильнюс (Верхний замок); 11. Вильнюс (окрестности); 12. Драгелишкес (Зарасайский р-н); 13. Кайшядорис; 14. Кернаве

этого времени существовало, но слой того периода почти не сохранился, так как, вероятно, был позднее разрушен²⁸. Кроме того, выделение слоев IX—X вв. весьма затруднительно ввиду отсутствия надежно датированных находок, невозможности использования в полной мере материалов довоенных раскопок, а также, что весьма существенно, из-за недостаточно разработанной типологии и хронологии керамики того времени. Поэтому для характеристики вильнюсских поселений IX—X вв. особую ценность приобретают косвенные археологические материалы.

Характерной чертой Вильнюса и ближайших окрестностей являются крупные курганные могильники IX—XII вв. (Рокантишкес, Жвирбляй, Гудяляй, Дусиненай, Швейцарай и др.), что указывает на густонаселенность этих районов. В курганных могильниках Жвирбляй и Рокантишкес — оба находятся в черте города — в погребальном обряде и инвентаре наблюдаются явные признаки социальной дифференциации. Ярким примером служит раскопанный Р. Якимовичем в 1925 г. курган в Рокантишкес. В курганном могильнике были обнаружены богатые мужские погребения с оружием; отмечается также большое количество курганов с погребениями коней²⁹. Оружие было найдено и почти в половине из 64 исследованных курганов (около 200 погребений) в Жвирбляй³⁰. Не исключено, что указанные курганные могильники являются дружинными погребениями, подобные дружинным курганам в Гнездове, Чернигове, Киеве, с той, однако, разницей, что курганы в окрестностях Вильнюса датируются более поздним временем — X—XI вв. Хотя инвентарь последних не столь богат, но и здесь мы сталкиваемся с таким атрибутом воина-дружинника, как меч.

Информативным источником служат также клады куфических и западноевропейских монет. При всей немногочисленности таких кладов на территории Литвы их картогра-

²⁸Tautavičius A. Vilniaus pilies... P. 6.

²⁹Musianowicz K. Wczesnosredniowieczny kurhan w Rekanciszkach rejon Nowowilejski na tle wschodniolitewskich kurhanów // Wiadomości Archeologiczne. 1968. T. 33. S. 3—4. S. 352.

³⁰Volkaitė-Kulikauskienė. R. Lietuviai... P. 186.

(Ширвинтский р-н); 15. Мажулонис (Игналинский р-н); 16. Майшягала (Вильнюсский р-н); 17. Наркунай (Утенский р-н); 18. Неменчине (Вильнюсский р-н); 19. Папарчяй (Кайшядорский р-н); 20. Пирчюпис (Варенский р-н); 21. Поставы; 22. Пуня (Алитусский р-н); 23. Раковцы (Сморгонский р-н); 24. Реше (Вильнюсский р-н); 25. Русю Рагас (Ширвинтский р-н); 26. Рибишкес (г. Вильнюс); 27. Симаны (Мядельский р-н); 28. Стаклишкес (Пренайский р-н); 29. Тринаполис (г. Вильнюс); 30. Трускава (Кедайнский р-н); 31. Шленяй (Аникшяйский р-н); 32. Яньюнай (Ширвинтский р-н)

фирование позволило выделить наряду с побережьем Балтийского моря и другой район — Вильнюс и его окрестности (рис. 3). Из этого следует, что на территории современного Вильнюса или в его непосредственной близости в IX—X вв. находился относительно крупный торговый центр, существование которого можно связать с одним из вариантов второстепенного Днепро-Балтийского торгового пути.

Археологические материалы IX—X вв. позволили исследователям Древней Руси установить тесную взаимосвязь города и дружины. Протогородские и раннегородские формы поселений были базой консолидации дружинных элементов. Становления города в его сложившейся структуре (княжеский детинец и ремесленно-торговый посад) совпадает с организацией дружинной иерархии³¹. Логически напрашивается вопрос: не те же ли явления происходили в Вильнюсе X—XI вв.?

Литва Миндовга. Археологические материалы городищ XII—XIII вв. позволяют исследователям выделить качественно новый этап их развития³². Иногда это отдельные городища — Майшягала (Вильнюсский р-н), Аукштадварис, Пуня (Алитусский р-н), иногда — городища с форбургами — Наркунай (Утенский р-н), изредка — компактные комплексы из нескольких городищ, составляющих единую оборонительную систему, — Вильнюс, Кернаве (Ширвинтский р-н)³³. Для всех перечисленных выше городищ характерны мощные укрепления, наличие крупных торгово-ремесленных и сельских поселений, а в Вильнюсе и Кернаве были укрепленные посады. Такие городища интерпретируются как резиденции князей, свидетельства дальнейшей социальной дифференциации, происходившей в среде самого нобилитета³⁴. Дальнейшая история феодальных центров (XIV—начало XV в.) в большей степени обусловлена общегосударственной борьбой с агрессией крестоносцев. Следы этих событий археологически отразились в материалах городищ Майшягала³⁵ и

³¹ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1978. С. 142.

³² Волкайте-Куликаускаене Р. К. Древние поселения-городища... С. 18.

³³ Lietuvos TSR archeologijos atlasas. T. 2. P. 32—33, 83—84, 102, 116—117, 141, 183—184.

³⁴ Волкайте-Куликаускаене Р. К. Древние поселения-городища... С. 18.

³⁵ Kulikauskiene R. Maišiagalos piliakalnio tyrinėjimai 1972 ir 1973 m. // AETL 1972 ir 1973 m. V., 1974. P. 29.

Кернаве³⁶ (1365, 1390 гг.), Вильнюс³⁷ (1390, 1394 гг.), Наркунай³⁸ (1433 г.) и др.

Ввиду ограниченного объема статьи подробнее остановимся только на Вильнюсе. Как уже отмечалось, материалы исследований лучше характеризуют Вильнюс, начиная с XI в. Установлено существование на горе Гедимина деревянного замка с мощными укреплениями³⁹, а в XIII в. здесь был возведен первый каменный замок⁴⁰. Этот период существования вильнюсского Верхнего замка иллюстрируют такие датированные археологические находки, как шиферные пряслица, стеклянные браслеты и др. По некоторым исследованиям, данный период хорошо отразился и в слоях Нижнего замка⁴¹. Во время археологических исследований на территории Нижнего замка были обнаружены разновременные деревянные уличные настилы, самый нижний из которых датируется по C¹⁴ временем 910±90 лет от наших дней⁴². Наличие деревянных настилов — мостовых свидетельствует о регулярной застройке поселения и служит одним из важных признаков города⁴³. По мнению Н. Киткаускаса, с XI—XII вв. на территории Нижнего замка уже находилось поселение городского типа — посад, являвшийся зародышем города Вильнюса. Однако, на наш взгляд, датировка слоев Нижнего замка XI—XII вв. еще слабо аргументирована. В конце XIII—начале XIV в. деревянно-земляные укрепления были заменены каменными оборонными стенами протяженностью свыше 1 км, расположение которых лишь частично совпало с первоначальным контуром укреплений посада⁴⁴.

Самые ранние каменные постройки на территории Нижнего замка датируются началом или серединой XIII в., допуска-

³⁶ Kulikauskas P., Luchtanas A. Archeologiniai tyrinėjimai Kernavėje 1979 m. // ATL 1978 ir 1979 m. V., 1980. P. 36—37.

³⁷ Голубовичи Е. и В. Кривой город... С. 114, 115, 118 и др.

³⁸ Волкайте-Куликаускаене Р., Лухтан А. Редкие монеты из Восточной Литвы // СА. 1981. № 4. С. 266.

³⁹ Голубовичи Е. и В. Кривой город... С. 124; Tautavičius A. Vilniaus pilies... P. 6, 14.

⁴⁰ Gaigalas A. Vilniaus pilies kalno sluoksniai // Mūsų gamta. 1983. Nr. 8. P. 6—7.

⁴¹ Daugudis V., Lisanka A. Vilniaus žemutinės pilies arsenalo teritorijos tyrinėjimai 1978 m. // ATL 1978 ir 1979 m. V., 1980. P. 39.

⁴² Ibid. P. 40.

⁴³ Хорошев А. С. Раскопки южной части Плотницкого конца // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 195.

⁴⁴ Киткаускас К.-Н. И. Комплекс зданий Вильнюсского Нижнего замка (Исследования и вопросы охраны): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 17.

ется даже возможность более ранней застройки⁴⁵. Эта датировка основана лишь на данных архитектурного анализа и требует дальнейших уточнений. Среди ранних сооружений, пожалуй, наибольший интерес представляет прямоугольная каменная постройка размерами 22,6x22,6 м, со стенами толщиной 1,6—1,7 м, остатки которой обнаружены под современным кафедральным собором. Аналогии в архитектуре Германии и Польши позволили датировать постройку второй половиной XIII в.⁴⁶ В свое время высказано предположение о том, что, возможно, это остатки кафедрального собора короля Миндовга⁴⁷.

Для характеристики Вильнюса как политико-административного и экономического центра Литовской земли большое значение имеют такие источники, как клады. Их изучение, проведенные в последнее время нумизматами и археологами⁴⁸, показало, что в X—XI вв. на территории Литвы встречаются слитки неместного происхождения — так называемые архаические кованые и литые скандинавские слитки, новгородские гривны и др. Поступление архаических слитков прекращается в начале XII в. В это же время из торгового оборота исчезают западноевропейские монеты. С середины XII в. в денежном обращении Литвы произошли резкие перемены: началось изготовление слитков на месте. В это же время на территории соседней Латвии в обращении по-прежнему находились слитки импортного происхождения, только теперь это были литовские слитки палочкообразные и других типов⁴⁹. В настоящее время известно свыше 800 слитков общим весом 87 кг, из них в Литве — 700 слитков весом 75 кг. Существен тот факт, что на современной территории Вильнюса в кладах Рубишкес и Тринаполис (рис. 3) сосредоточена основная масса слитков весом 67,5 кг, что составляет 77,6% общего количества. Это указывает на то, что центром их изготовления мог быть Вильнюс⁵⁰. Таким образом, нумизматические материалы, прежде всего факт появления местной денежной системы, указывают на нали-

⁴⁵Kitkauskas N., Lasavickas S. Vilniaus Žemutinės pilies kai kurių ankstyvųjų pastatų liekanų tyrimai // Architektūros paminklai. V., 1977. T. 4. P. 7.

⁴⁶Киткаускас К.-Н. И. Комплекс зданий... С. 7—8.

⁴⁷Tautavičius A. Amžiai užsikloję velėna // Švyturys. 1965. Nr. 22. P. 26; Kitkauskas N., Lasavickas S. Vilniaus Žemutinės pilies ... P. 8.

⁴⁸Tautavičius A. Papildomi duomenys apie naujus sidabro lydinį ir XIV a. II pusės—XV a. pradžios Lietuvos monetų radinius Lietuvos TSR teritorijoje // MADA. 1965. T. 1. P. 67—84; Dukša Z. Op. cit. P. 83—129.

⁴⁹Dukša Z. Pinigai ir jų apyvarta. P. 141.

⁵⁰Ibid. P. 107.

чие сформировавшегося классового общества, внутреннего рынка и централизованной власти, по крайней мере, в Восточной Литве⁵¹ уже в середине XII в. Центром данного раннегосударственного объединения правомерно считать Вильнюс⁵².

Анализ всего археологического материала указывает на то, что в XIII в. Вильнюс был крупнейшим феодальным замком Литвы, важным политико-административным и экономическим центром и, пожалуй, крупным горюдом того времени, что позволяет считать его наиболее вероятной столицей Миндовга.

В настоящей статье мы не ставили целью анализировать дальнейшее развитие политико-административных и феодальных центров Литвы. Тем не менее хотелось бы отметить, что в результате острой политической борьбы в среде нобилитета, а также в связи с существованием неподалеку еще нескольких крупных феодальных центров в XIII в. политическое положение Вильнюса не было настолько стабильным, чтобы исключить возможность управления государством из другой столицы. Именно этим, на наш взгляд, объясняется тот факт, что представители новой великокняжеской династии, как, например, кернавский князь Тройден, могли управлять Литвой из своих родовых центров.

Заключение. Определенное территориальное единство ареала, на котором позднее возникла „Литовская земля”, фиксируется уже на последних фазах развития культуры штрихованной керамики, что, по-видимому, объясняется экономическим потенциалом данной территории.

Указанная территория еще сильнее обособилась в период возникновения и развития культуры восточнолитовских курганов. В археологических материалах отмечаются признаки возникновения территориальной общины, появления имущественной дифференциации и выделения племенной знати. Динамика развития культурных явлений позволяет предполагать наличие в бассейне р. Нерис племенного-культурного центра.

⁵¹По мнению Э. Гудавичюса, конфедерация Литовских земель могла существовать еще до двух последних десятилетий XII в. (Gudavicius E. Dėl Lietuvos žemių konfederacijos. P. 28).

⁵²Достаточно аргументирована критика таких источников по ранней истории Вильнюса, как Воскресенская летопись и др. (Jurginis J., Merkys V., Tautavičius A. Vilniaus miesto istorija. V., 1968. T. 1. P. 31—33). Нельзя не отметить и интересной аргументированной гипотезы Р. Батуры (Batūra R. XIII a. Lietuvos sostinės klausimu // MADA. 1966. T. 1. P. 141—164). Однако Р. Батура считает Вильнюс постоянной столицей Литвы с древнейших времен (там же, с. 163), не учитывая возможности существования „кочующих” политико-административных центров на определенных этапах развития феодального государства.

Глубокие социально-экономические перемены в Восточной Литве происходят на рубеже I—II тысячелетий н. э. В это время началось развитие раннефеодальных отношений: возникали феодальные центры, происходило становление дружинной организации. Ядром формировавшейся Литовской земли правомерно считать Вильнюс — относительно крупный торговый центр, возможно, возникший на месте старого племенного центра.

Дальнейшее развитие феодальных отношений к середине XII в. приводит к дифференциации в среде нобилитета, возникновению внутреннего рынка и местной денежной системы, что указывает на становление раннегосударственного объединения в Восточной Литве с центром в Вильнюсе. Тем самым возникли предпосылки для того, чтобы Литовская земля позднее стала ядром консолидации всей Литвы.

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК У д. ЛЕСНАЯ МИОРСКОГО РАЙОНА

Л. В. Дучиц

Курганный могильник из 32 сохранившихся насыпей находится в двух километрах северо-восточнее д. Лесная в лесу, вблизи оз. Важа. Местное название памятника „волотовки” или „французские могилы”. Значительная часть курганов разрушена при разработке карьера. Сохранившиеся насыпи имеют полусферическую или полуовальную форму. Высота их — от 0,5 до 1 м, диаметр — от 5 до 14 м, размеры удлиненных курганов — 2х3 м, 4х5 м, 7х9 м и т. д. Удлиненные курганы вытянуты строго по линии запад-восток или север-юг. Ровиков вокруг насыпей не отмечено.

В 30-е годы памятник обследован Е. и В. Голубовичами¹, в 1973 г. — А. Г. Митрофановым². В 1979—1980 гг. 20 курганов раскопаны автором³ (см. табл. 1). Все изученные насыпи содержали зольно-угольную прослойку у материка. Среди исследованных курганов в десяти обнаружены погребения по обряду труположения на грунте. Один из кур-

¹Голубович Е., Голубович В. Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе БССР // КСИИМК. 1945. Вып. 11. С. 126—137.

²Митрофанов А. Г. Отчет о полевых исследованиях в 1973 году. Архив ИИ АН БССР. Д. № 432.

³Дучиц Л. В. Изучение средневековых памятников Витебской области // АО 1979 года. М., 1980. С. 359—360; Она же. Раскопки на северо-западе Витебской области // АО 1980 года. М., 1981. С. 333—334.

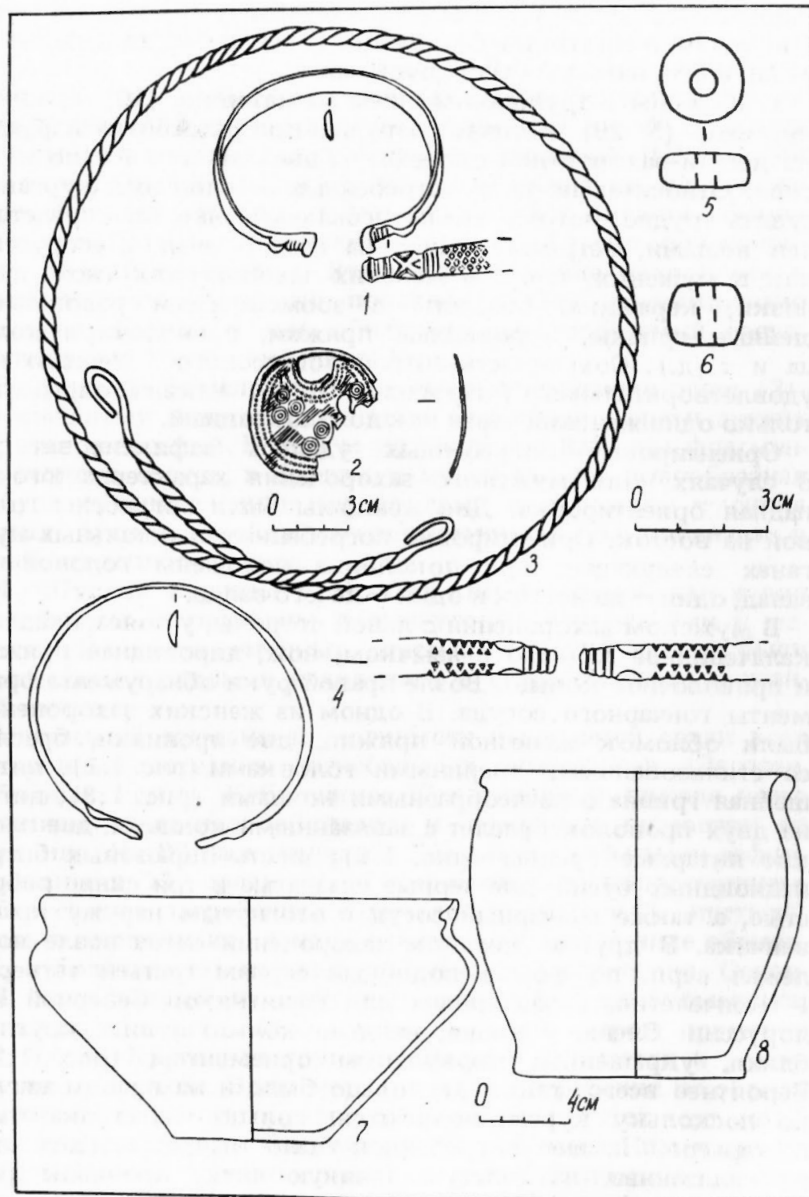

Рис. 1. Погребальный инвентарь: 1 — браслет из кургана № 24, 2 — височное кольцо из кургана № 29, 3 — шейная гривна из кургана № 24, 4 — браслет из кургана № 25, 5 — янтарная бусина из кургана № 29, 6 — янтарная бусина из кургана № 24, 7 — гончарный сосуд из кургана № 16, 8 — лепной сосуд из кургана № 17